

ПИОНЕР

АВГУСТ

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

ОГОНЬ

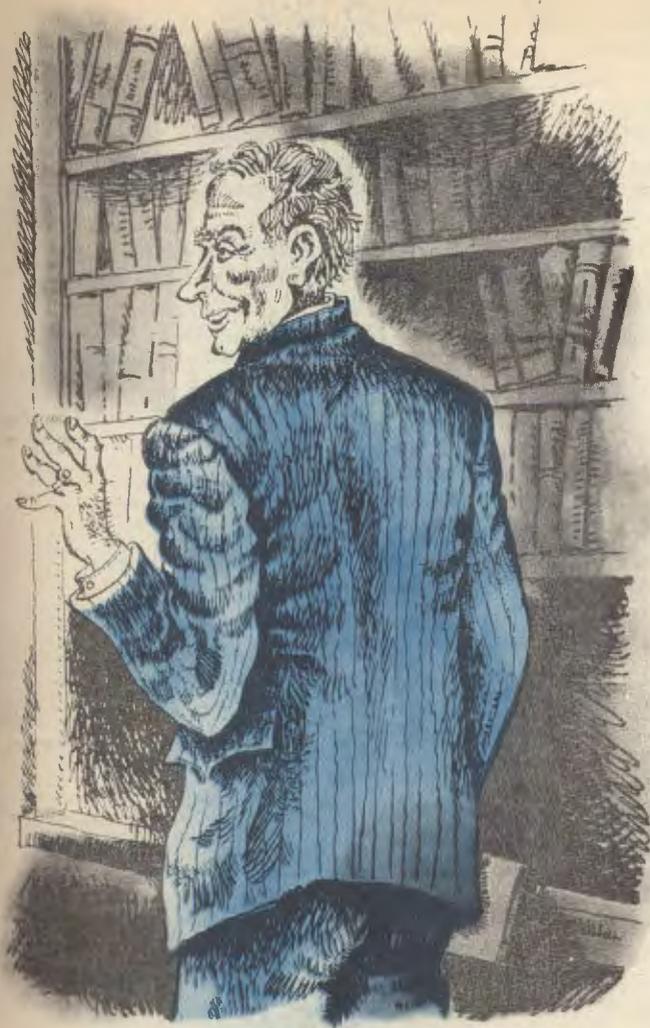
В ЗАТЕМНЕННОМ

ГОРОДЕ

Эно РАУД

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки А. БОРИСОВА.

Странный господин

Однажды воскресным утром к нам пришел странный гость.

Случилось так, что на звонок дверь открыл я. За дверью стоял невысокий, хорошо одетый господин. Он приподнял свою велюровую шляпу и сказал:

— Велиранд.

Я совершенно не понял, что он имел в виду, и ответил:

— Это квартира Пихлат.

— Очень приятно,— сказал странный господин и бочком протиснулся в дверь.

— Кто вам нужен?— спросил я.

— Так, так,— сказал он и стал снимать пальто.— На улице накрапывает. Хе-хе-е. Это был действительно странный тип.

К счастью, в переднюю вышла моя мама. Чуждой незнакомец обернулся к маме, произнес и снова произнес:

— Велиранд.

Только теперь я догадался, что Велиранд — фамилия этого типа.

— Вы хотели повидать меня?— спросила мама.

— Да, да,— сказал он.— Ведь вы, кажется, если я не ошибаюсь, госпожа Пихлат?

— Да,— сказала мама.— Моя фамилия действительно Пихлат. Входите, пожалуйста.

Господин Велиранд прошел в комнату и уселся на диване. Я мог бы теперь уйти в папину комнату, но я не хотел оставлять маму вдвоем с этим странным типом.

— Видите ли,— заговорил господин Велиранд.— У меня к вам просьба. Большая, огромная просьба. Я думаю, вы не откажете, госпожа Пихлат. У вас добрая душа и вы не откажете. В нынешние времена, тяжелые времена, мы, маленький народ, должны держаться вместе. Верно, госпожа Пихлат?

Я видел, что мама немного нервничает и гость не очень-то ей нравится. Мне тоже не нравился этот визит.

— Видите ли,— продолжал господин Велиранд.— Я очень интересуюсь садоводством. Именно в нынешнее время, когда происходят такие ужасные вещи, меня особенно интересует садоводство. В возникновении растений есть нечто божественное. Обрабатываешь сад и забываешь все остальное. Забываешь даже войну и политику. Сам превращаешься словно бы в частицу великой природы. Еще Вольтер сказал: «Каждый должен возделывать свой сад». И что главное: садоводство — чистая работа. Да-да. Правда, руки пачкаются в земле, но сердце остается чистым.

— Я все-таки не понимаю, чем я могу вам помочь,— сказала мама.

— Ах, да! Видите ли, я слышал, что у вас большая библиотека по садоводству и...

— От кого вы это слышали?— встала мама.

— О-о, в нашем городке об этом знает каждый! Каждый, кто хоть немного интересуется садоводством. Ведь вы у нас так сказать, человек известный. Садовница которая не только возделывает, но и создает. Именно создает и преобразует природу. Изучает природу и проникает в ее тайны.

Он еще долго трепался так, но в конце концов все-таки приступил к делу:

— Я был бы вам страшно благодарен, если бы смог взять у вас на время некогорые книги по садоводству.— Он улыбнулся, извиняясь.— Только не особенно научные. Сначала я прочел бы что-нибудь подходящее для начинающего.

Я видел, что мама сомневается.

— Вообще-то я не даю книги,— сказала мама неуверенно.— Но если это для вас так важно...

— Поверьте, госпожа Пихлат, это действительно для меня уж-жасно важно,— сказал Велиранд.— Я был бы вам очень благодарен.

Мама подошла к книжным полкам. Велиранд тотчас же последовал за нею.

— Книги по садоводству все здесь.— Мама показала на две средние полки.— Но я ведь не знаю, что вас особенно интересует.

Наш гость рассматривал корешки книг.

— О-о! — воскликнул он.— «Руководство по садоводству и пчеловодству»! Так сказать, энциклопедия вашего дела, верно? Нет-нет! Эту я не возьму. Такую ценную книгу нельзя давать совершенно чужому человеку. Может быть, когда-нибудь потом, когда мы познакомимся поближе.

Его последняя фраза прозвучала для меня довольно неприятно. Да и по маминому лицу я мог понять, что она не особенно заинтересована в углублении этого знакомства.

Наконец Велиранд нашел одну старенькую брошюру, которая и по содержанию и по объему якобы как раз годилась ему для начала. Но и после этого он не отошел от книжной полки, а внимательно продолжал рассматривать корешки книг. И не только в разделе садоводства. Похоже, он интересовался и другими книгами.

— Я вижу, у вас много книг и по педагогике,— сказал он.— Наверно, ваш супруг работает педагогом.

— Он по профессии учитель.

— Так-так. Да-да. Учителям в нынешнее время нелегко. Совсем нелегко. Он в начальной школе или в гимназии?

— Его нет. Мобилизован.

— Ах так,— сказал господин Велиранд и сразу сделался очень серьезным.— Да-да. Многие наши лучшие люди сейчас там. На Востоке. И пройдет время, сколько бы ни потребовалось, но однажды оттуда придет гроза, которая очистит спертый воздух.

Прежде чем уйти, Велиранд вырвал из записной книжки листочек и написал на нем номер своего телефона: 22-34.

— Если эта брошюра вам понадобится, непременно сразу же звоните. Я возвращу без промедления.

— Эта брошюра мне не понадобится,— сказала мама.

— Ну, я надеюсь, вы мне доверяете. Она не пропадет. Ни в коем случае. Значит, я могу зайти к вам еще, когда проработаю брошюру?

— Пожалуйста,— сказала мама, но лицо ее выражало совсем обратное.

— Тысячу раз спасибо. Не знаю, как смогу вас отблагодарить.

Я пошел проводить его в прихожую. Надев свою велюровую шляпу, он почему-то счел

необходимым похлопать меня по плечу и сказать:

— Выше голову, молодой человек! Все кончится хорошо.

Затем дверь за ним захлопнулась.

— Подозреваю, что он не совсем нормальный,— сказала мама, когда я вернулся в комнату.

Но у меня было совсем другое подозрение. И я заторопился к Олеву поделиться своими соображениями.

Мне повезло: я застал своего друга дома в последнюю минуту — он как раз собирался уходить, но сразу же отказался от своего намерения, стоило ему только посмотреть на меня.

— Ты хочешь что-то сказать, верно?

— Кое-что.

И я рассказал Олеву о посещении нашей квартиры господином Велирандом. Описал ему все как можно точнее. Олев слушал меня очень внимательно и временами просил повторить некоторые детали.

— Мама думает, что у него не все дома,— закончил я свой доклад.

— Это весьма похоже на правду,— сказал Олев.— Но что-то здесь все-таки не сходится.

— Вот и мне так кажется.

— Странное впечатление оставляет его намек на грозу с Востока. Во всяком случае, говорить так незнакомым людям опасно. Обращает на себя внимание и то, что он проявил интерес к тебе.

— Мне это тоже бросилось в глаза.

— Очень странный визит. Почему какой-то чокнутый господин приперся к вам именно тогда, когда по городу начали рыскать немецкие шпики? Почему никогда раньше он не чувствовал интереса к садоводству?

У Олева возникли точно такие же мысли, как и у меня. Поначалу мы все же только строили предположения, кто такой этот господин Велиранд. Мы не знали о нем ничегошеньки.

— Знаешь что,— сказал вдруг Олев.— Я возьму у соседей телефонную книгу.— Посмотрим-ка, где этот тип живет.

Вскоре мы с жаром принялись изучать телефонную книгу, но тут нас постигло первое разочарование: фамилии Велиранд в книге не значилось. Мы изумились. Был Вельдеман и Вельмере, а Велиранда просто не существовало.

— Он ведь написал свой номер! — сказал я удивленно.— Двадцать два, тридцать четыре.

Мы растерянно молчали, наконец Олев нашел выход:

— Телефонная книга не такая уж толстая. Давай поищем, чей это номер.

Мы начали с первой страницы. На букву «А» такого номера не оказалось. На «Б» тоже. На «С»¹ в телефонной книге вообще

¹ «С» — третья буква эстонского алфавита.

не было фамилий. Сразу после «Б» шла буква Д. И тут мы нашли этот номер: Драбкин Даниель, Солнечный бульвар, 7, кв. 2...

Мы уставились друг на друга. Что бы это могло значить?

Даниель Драбкин был нашим учителем математики. «Драбс», как прозвали его школьники.

Вывод был, конечно, простой: наш учитель убежал от немцев, а Велиранд получил квартиру.

Возник вопрос: где же был Велиранд раньше?

И еще один вопрос, более существенный: почему новые власти дали Велиранду квартиру, если он человек, который ждет грозы с Востока, из России?

Эти вопросы требовали ответа.

— Мы должны сходить туда, — сказал Олев.

— Куда? — не понял я.

— На Солнечный бульвар, в дом семь.

— Ну да... но.., как же?

— Придется что-нибудь придумать.

И мы действительно придумали.

Мы вспомнили, что приближается 10 ноября — Мартов день. По старинному народному обычаю накануне вечером дети ходят ряжеными по домам, и появление ряженых даже у незнакомых людей никого не может удивить.

Ряженые

Моя мама удивилась, когда я объявил ей вечером 9 ноября, что пойду ряженым.

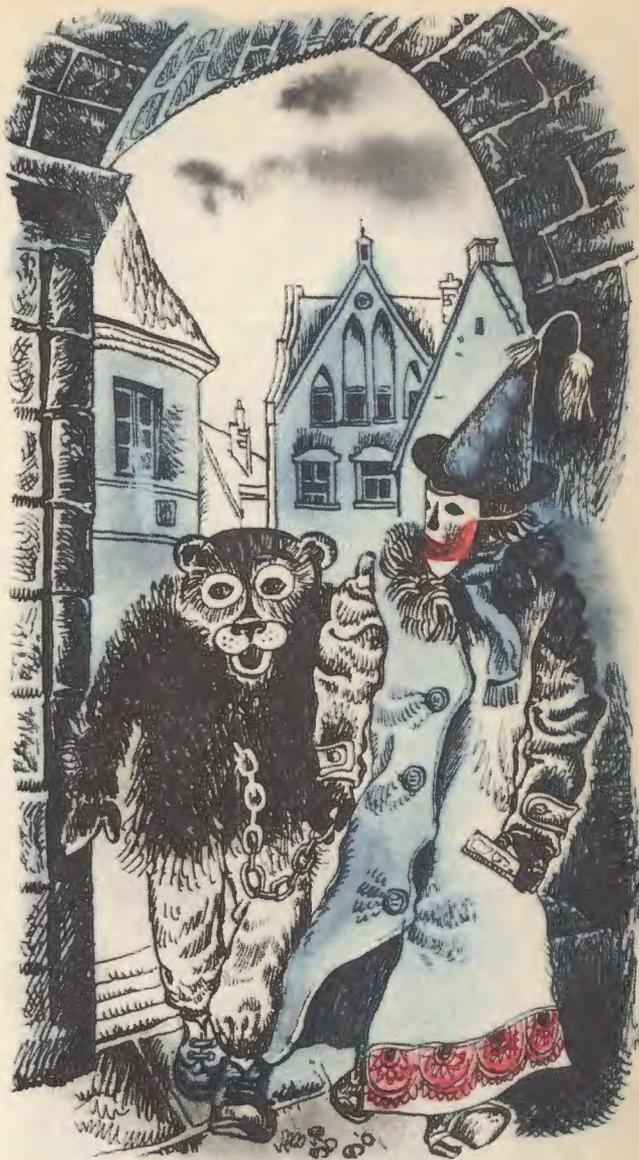
— Что это тебе вдруг в голову взбрело? — спросила она. — В военное время!

— Ну ведь есть же такой обычай! — сказал я. — Олев тоже пойдет.

Маски и одежду мы уже заготовили. Я должен был изображать медведя, а Олев — дрессировщика. По понятной причине требовалось, чтобы именно мне не пришлось говорить. У меня сохранилась медвежья маска, которую я надевал однажды на маскарад в школе. Еще я собирался надеть отцовскую куртку на меху. Когда я вывернул ее наизнанку, получилась мировая шкура. Олев сделал себе маску сам. Он вырезал ее из плотной бумаги для черчения и раскрасил пастелью. Еще он намеревался надеть старое материнское зимнее пальто. Оно было ему до пят, что вполне уместно для дрессировщика медведя. Затем он снял цепочку с вентиляционной решетки, потому что опасного хищника нельзя вести просто на веревке.

— К кому же вы хотите пойти? — спросила моя мама.

— К чужим-то мы, конечно, не пойдем, —

Я превратился в медведя, а Олев — в дрессировщика.

ответил я неопределенно: нельзя же было выдавать нашу тайну.

Мы вовсе не собирались совершить обычный обход домов, как это всегда делают ряженые. Нет, для нас это была операция, которую мы назвали «Вторжение в крепость противника». Естественно, моя мама не должна была пока ничего знать об этом.

Когда стемнело, Олев зашел за мной, и мы пустились в путь. На улице мы маски сразу не надели: боялись без необходимости привлечь к себе внимание. Только в начале Солнечного бульвара мы окончательно подготовили себя к операции: я превратился в медведя, а Олев — в дрессировщика. Цепочку Олев прикрепил к пуговице моего пальто.

Хотя улица была совсем темной, мы быстро нашли дом номер семь. В парадном Олев зажег спичку. Так. Квартира номер два находилась тут же, на нижнем этаже. Операцию

«Вторжение в крепость противника» можно было начинать.

Я нажал на кнопку звонка — долго и требовательно.

— Раз, два, три,— сосчитал Олев, и мы запели.

Мы даже прорепетировали свои куплеты, и я без хвастовства могу утверждать, что в пустом парадном они звучали достаточно мощно:

Вы впустите-ка ряженных,
мы пришли из дальних стран,
шли — плюх-плюх — через болота,
шли — топ-топ — через равнины,
и у нас замерзли пальцы,
заболели наши ноги.
Вы впустите-ка ряженных,
коль не впустите, не спросим,
сами выломаем дверь...

Дверь выламывать не потребовалось. Нам открыл господин Велиранд собственной персоной.

— Хе-хе,— улыбнулся он.— Ах, какие настойчивые маленькие гости! Входите же, входите! Разве же можно оставлять ряженных за дверью?

Переваливаясь по-медвежьи, я вошел в переднюю; Олев, держа цепочку, следовал за мною.

— Хе-хе,— снова засмеялся господин Велиранд.— Значит, дрессировщик явился к нам прямо с медведем. Ну что ты скажешь! Вот здорово! А у нас тут как раз собралась компания, и маленькое развлечение будет очень кстати.

Что тут собралась компания, это мы уже и сами поняли, потому что на вешалке гроздьями висели пальто. И не только пальто, но и несколько военных немецких шинелей. Нетрудно было догадаться, что у господина Велиранда гости, и не было сомнений в том, кто эти гости.

— Какой сюрприз! Какой сюрприз! — повторял господин Велиранд и попросил нас, «к радости всего общества», пройти в комнату. Он явно приложился к напиткам, и притом основательно.

Мы вошли в гостиную. Я сразу же заметил на длинном столе жирного праздничного гуся. Должен честно признаться, что столь богато накрытого стола я до тех пор в жизни не видел. Даже в мирное время, когда еще в магазинах всего хватало. В бутылках здесь тоже не было недостатка. Когда мы вошли, поднялся веселый гвалт. Кто-то даже зааплодировал. Кто-то выключил радио.

Я испугался, что Олев вдруг спасует: ведь его роль в нашей операции была значительно труднее моей. Мы заранее договорились, что я ни в коем случае не раскрою рта, даже если у меня будут что-нибудь спрашивать. Мы опасались, что вдруг Велиранд узнает меня по голосу.

— Дамы и господа! — начал Олев.

Похоже было, что за него можно не беспокоиться.

— Дамы и господа! — перевел Велиранд на немецкий.

— Разрешите представить вам моего медведя Мишку,— продолжал Олев.

Велиранд принял на себя роль переводчика.

Я топтался по комнате и кивал компании. Это вызвало веселое оживление. Вообще мне показалось, что развеселить подобное общество не так уж трудно, и я понемногу почувствовал себя более уверенно.

— Мой Мишка — мастер на разные штуки,— продолжал рассказывать Олев.— Он, например, умеет ездить на велосипеде, но, поскольку мы забыли велосипед дома, этот номер, к сожалению, не состоится. Итак, нам придется ограничиться только танцами. Хей, Мишка, а ну давай!

Он вынул из кармана губную гармошку и заиграл веселую польку. В своей маске он прорезал специально большое отверстие для рта, чтобы можно было играть на губной гармошке. Я топтался кругами по комнате и иногда совершал довольно нелепые прыжки. Когда я под аплодисменты окончил свой танец, мы оба с Олевым поклонились. Мы могли уже с богом тронуться восвояси, но Олев хорошо вжился в свою роль, поэтому он воскликнул:

— Уважаемые дамы! У вас есть возможность испытать судьбу. У древних эстонцев существовало поверье, что тот, кто погладит медведя, скоро выйдет замуж!

Когда господин Велиранд перевел это, раздался взрыв смеха. Дамочкам перевод и не требовался, все они явно были эстонками. Но смеялись на сей раз больше мужчины, и похоже было, что мужская часть компании состояла преимущественно из немцев.

Женщины не страдали излишней скромностью: одна за другой они встали из-за стола, подошли ко мне и, хихикая, пощипали мех моей «шкурки». Я угрожающе рычал.

— Осторожно! — воскликнул Олев.— Он может укусить. Держитесь позади него.

Я сам повернулся спиной к милым дамам и стоял теперь лицом к книжной полке господина Велиранда. Мои глаза быстро заскользили по корешкам книг. Здесь было много немецкой литературы. От волнения я плохо разбирал готический шрифт, но орел с расправленными крыльями и свастика на некоторых томах говорили мне гораздо больше, чем имена авторов и названия книг. Но пару знакомых имен я все-таки разобрал. Геббельс... Альфред Розенберг... Да, не было никакого сомнения в том, что мы действительно вторглись во вражескую крепость. И увидели тут довольно много. Можно было спокойно уходить.

Олев обошел компанию с шапкой, и вскоре она наполнилась конфетами, яблоками... Туда кидали даже деньги. Мы вежливо пок-

лонились, Олев пожелал обществу хорошего настроения.

— Хе-хе, это действительно был веселый сюрприз,— болтал господин Велиранд, провожая нас к двери.— Всего доброго, маленькие друзья! Желаю вам удачи.

На улице мы сняли маски и глубоко вдохнули свежий воздух.

— Интересно, кто же он все-таки? — задумчиво произнес Олев.

— Он немецкий прихвостень,— ответил я.— Остальное не так уж важно.

Новенький

В середине января Олев заболел. Зима была морозной, и он, очевидно, простудился. Ежедневно после школы я заходил к нему, показывал, что задано, и рассказывал новости.

Учеба шла напряженно. Учебный год был коротким, а программу предстояло пройти всю. И главное, в этот год мы кончали начальную школу.

Однажды во время болезни Олева ко мне на перемене подошел наш новенький. Мы почему-то все еще звали его «Новичком», хотя у него имелись имя и фамилия — Хельдур Трей. Он спросил, можно ли ему пересест ко мне за парту, пока Олев не выздоровеет. До сих пор Хельдур сидел за своей партой один. Конечно, я не был против: вдвоем веселее и легче, хотя бы насчет подсказок.

Честно говоря, до сих пор я как-то не замечал Хельдура. Это было странно. Обычно появление в классе нового ученика — событие. Но на него никто не обращал особенного внимания. Может быть, оттого, что сам он был очень тихим и несловохотливым парнем. Он был дружелюбным, но в то же время держался настороженно. О новенькой девочке уже в первый день все было известно: что она приехала из Таллина, что она играет на рояле, что отец у нее инженер, что у нее есть собака, которая умеет ходить на двух лапах, разумеется, задних. А о Хельдуре мы как-то ничего не знали, кроме того, что его зовут Хельдур Трей. Но даже это казалось лишним: его прозвали просто «Новичок».

Теперь, очутившись с ним за одной партой, я узнал его получше.

Однажды субботним вечером, когда мы вместе шли из школы, я спросил, как он попал в наш город. Казалось, Хельдур несколько минут сомневался, потом сказал:

— А ты никому не расскажешь?

Я с удивлением посмотрел на него.

— Если это тайна, не стоит рассказывать даже мне. Мы ведь слишком мало знакомы.

— Ты меня мало знаешь,— сказал Хельдур.

Я понял, что он имел в виду. В то время, как мы ничего о нем не знали, он успел все-таки изучить нас. Он говорил мало, мало спрашивал, но замечал все, что происходило вокруг, и делал из этого свои выводы.

— Мы с мамой приехали с острова Сааремаа,— вдруг сказал он.— Мой отец был журналистом. Он хотел бежать в Россию, но, кажется, опоздал. В руки к немцам он тоже, видимо, не попал, иначе мою маму не стали бы допрашивать. Но мы действительно не знаем, где он теперь.

— Из-за этих-то допросов вы и бежали из дому? — спросил я.

Хельдур кивнул.

— Думаете, здесь спокойнее?

— Пока что спокойнее. Мы живем у дальних родственников. Вот если бы только мама смогла устроиться на работу...

— Вам, наверно, довольно трудно?

— Да, нелегко. К счастью, нам достали дополнительные карточки, которые дают большим. Денег пока хватает, чтобы выкупать норму продуктов. Вообще это был случай, что нам удалось достать дополнительные карточки. Один мужчина приходил к нам насчет обмена квартиры, совсем чужой человек. Правда, квартирами мы с ним не поменялись, но он теперь стал как бы другом нашей семьи. Мама всегда говорит: «Что бы мы делали без господина Велиранда?» Велиранд — фамилия этого человека. Он и достал нам эти карточки...

Хельдур продолжал говорить. Пожалуй, он никогда не говорил так много сразу.

Но я уже не слушал его.

Велиранд! Опять этот господин Велиранд! К нам он заходил уже четыре раза. Его по-прежнему интересовало садоводство. Но он вообще был человеком с широкими интересами. Он любил поговорить о политике, войне, правах человека. Частенько он сворачивал разговор на моего отца. В последнее посещение он принес полную банку брусничного варенья, но мама отказалась принять такой «подарок». У нас-то господин Велиранд работал впустую, потому что мы видели его насквозь. Но в семье Хельдура дело, казалось, обстоит иначе.

Как мне хотелось сейчас предупредить Хельдура! Что-то словно грызло меня изнутри, когда он радостно говорил о Велиранде. Но я не смел проговориться. Велиранд был тайной. И не мог же я выдать эту тайну малознакомому парнишке! Правда, Хельдур доверял мне: он рассказал мне свой большой секрет. Но Велиранд был общей тайной — Олева и моей.

На следующем углу улицы мы расстались.

— Ты никому не скажешь, да? — спросил он.

— Можешь быть уверен.

— Заходи как-нибудь ко мне. Парковая

улица, четырнадцать, квартира пять, дом во дворе.

У меня было тяжело на сердце. Я даже не заметил, как затрусил полубегом к Олеву. И, едва присев на край постели своего друга, я сказал:

— Знаешь, Велиранд интересуется и другими людьми.

— Куда же он еще ходит?

— К Хельдуру.

— Кто этот Хельдур?

— Новенький, который пришел в наш класс.

— Да, верно. А где его родители?

— Знаешь, он просил, чтобы я об этом никому не говорил.

— Разве с ними что-нибудь случилось?

— Случилось.

— Мы просто дураки.

Я смотрел на Олева с недоумением.

— Мы просто ужасные дураки,— повторил он.

— Я не совсем понимаю, о чем ты.

— Мы должны были бы сразу догадаться, что Велиранд интересуется не только вашей семьей. Это же нелогично. За Велирандом надо было понаблюдать, чтобы точно установить, куда еще он ходит вынюхивать. И тогда следовало бы как-нибудь предупредить этих людей.

— Может быть, еще не поздно,— сказал я. А сам в это время подумал: вдруг мать Хельдура успела открыть Велиранду душу больше, чем надо? Правда, пока особенно бояться нечего. До тех пор, пока отец Хельдура не нашелся, его матери ничего не сделают. Она просто должна служить приманкой. Но, конечно, это было очень слабое утешение.

— Надо дать знать матери Новичка,— считал Олев.

— Может быть, я завтра скажу Хельдуру,— предложил я.

Олев был против.

— Не стоит. Подумай сам. Предположим, ты все ему расскажешь. Он пойдет домой и скажет матери: «Я слышал от одного мальчика из нашего класса, что Велиранд — шпиик». Что делает его мать? Конечно, ужасно испугается. А потом она спросит: «Кто этот мальчик из вашего класса?» Допустим, Хельдур откажется отвечать. Мать его начнет плакать: она ведь как-никак женщина. Сердце Хельдура смягчится. Затем его мать воскликнет: «Я должна сама поговорить с этим мальчиком из вашего класса!» Нет, поверь мне, может получиться жуткая белиберда.

Я был согласен с Олевым. Дело действительно выглядело слишком серьезным, чтобы действовать абы как.

Но что-то надо же было делать.

После долгих рассуждений мы решили послать матери Хельдура письмо.

Но об этом письме я расскажу уже в следующей главе.

Предупреждение

Было ужасно холодно. Я подумал, что не стоило бы тратить столь крепкий мороз на воскресенье: в будни при такой погоде можно не пойти в школу и устроить по этому случаю праздничек. Уже на полдороге к Олеву я стал тереть нос рукавицей, чтобы не отморозить. А потом я подумал: как теперь там, на войне? В тепло не спрячешься. Сиди в окопе или лежи на поле боя. А вокруг свистят пули.

Немецкая молниеносная война провалилась. Фашисты больше не продвигаются вперед ни на шаг. Сидят на растянувшейся линии фронта и ждут лета. Но до лета еще далеко. Оккупационные газеты взывают о помощи: вяжите для солдат кашне и перчатки, такие перчатки с двумя пальцами, чтобы можно было стрелять! Да, этого они не учитывали, составляя планы молниеносной войны, что придется воевать еще зимой. С Наполеоном было точно так же. Сначала маршировал, как на параде, а потом не хватило разгону. И тогда они повернули назад. Но до дому добрались лишь немногие. Фрицы тоже обязательно повернут назад тем же путем. И еще неизвестно, сколько из них доберется до дому.

Предаваясь таким раздумьям и потирая нос варежкой, я подошел к двери дома Олева.

Олев сам впустил меня. Он уже почти поправился.

— Мать и отец на работе,— сказал он.

Это было очень кстати. Присутствие посторонних при таком важном мероприятии, как составление предупредительного письма, весьма нежелательно.

Мы уселись за стол и стали обсуждать.

— Предупреждение должно быть коротким и бьющим точно в цель,— сказал Олев.— За большим количеством слов главная мысль не будет звучать ясно. Нам надо придумать одну-единственную, но зато сильно действующую фразу.

Через полчаса мы записали уже около двадцати вариантов предупредительного письма.

Вот некоторые из них:

«Не доверяйте Иуде Велиранду!»

«На языке Велиранда мед, а в душе — немецкий яд!»

«За смиренной маской Велиранда таится кровожадный хищник!»

«Велиранд — немецкая ищейка.»

«Велиранд действует под знаком свастик!»

«Берегитесь сладкоречивого Велиранда, имя его близнеца — Смерть!»

Но вскоре мы поняли, что взяли слишком высокопарный тон. Предупредительное пись-

мо должно быть хотя и коротким, но деловым. И мы решили написать просто так:

«Велиранд — провокатор».

Теперь надо было еще продумать, как написать это письмо. Если следовать требованиям конспирации, нельзя было ни в коем случае писать обыкновенным образом. А вдруг наше письмо попадет в руки самого Велиранда?

— Можно воспользоваться системой четырех рук,— сказал Олев.

— А как? — спросил я.

— В этом случае пользуются печатными буквами,— объяснял Олев.— И делается это так: ты пишешь одну букву правой рукой, следующую — я левой рукой, потом ты левой и в свой черед я правой. Я читал об этом в каком-то детективном романе.

Но мне тоже вспомнился один способ, вычитанный из какого-то детектива.

— Уж лучше вырезать буквы из газеты и наклеить на листок бумаги,— возразил я Олеву.

— Годится,— согласился Олев.— Надо только не оставить на бумаге отпечатков пальцев. Уж если конспирация, то полная.

Естественно, я тоже был за полную конспирацию.

— У моей матери есть резиновые перчатки,— продолжал Олев.— Она надевает их иногда, когда чистит картошку. Резиновые перчатки лучше всего.

Он пошел в кухню и вернулся с резиновыми перчатками.

Я с восхищением надел их. Они были мне в самый раз — настоящие, заправдашные резиновые перчатки. Честно говоря, никогда еще я не видел таких.

— У нас должно быть тут где-то несколько старых газет,— сказал Олев, шаря по комнате.

— Старые не годятся,— сказал я.— На них полно отпечатков пальцев. Я сейчас схожу в резиновых перчатках и куплю новую газету.

— Давай,— согласился Олев.— Пусть будет конспирация до конца. И не забудь купить новый конверт.

Вскоре мне стало ясно, что варежки резиновыми перчатками не заменишь. На морозе пальцы начали сразу страшно мерзнуть. Пришлось пожалеть, что оставил варежки у Олева. Сунуть руки некуда: у моего зимнего пальто не было карманов. Его перешли из старого маминого пальто. Пальцы так закончели, что у киоска мне с большим трудом удалось достать кошелек из-за пазухи.

— Бедный мальчик! — сказала подслеповатая старушка киоскерша, подавая мне «Ээсти сына» и почтовый конверт.— В такой мороз бегаешь с голыми руками. Даже перчаток для детей у нас теперь нет.

И вдруг за моей спиной раздался грубый мужской голос:

— Ваше дело — продавать газеты, а не агитировать!

Даже не взглянув на этого мужчину с грубым голосом, я испуганно заторопился прочь. Этот угрожающий голос вернул меня на землю. Мы с Олевым слишком увлеклись, будто играли в то, что собирались сделать. Разве не игра, что я побежал на улицу в резиновых перчатках? Варежки тоже не оставили бы следов. И вся наша великая конспирация тоже превращалась в игру. А жизнь не игра. И там, где подкарауливает смерть, игра годится меньше всего. Нашему письму предстояло отправиться туда, где караулит смерть, а мы, словно для собственной потехи, придумываем всякие фокусы.

Станным образом за время моего отсутствия у Олева возникли точно такие же мысли.

— Давай быстрее наклеим,— сказал он.— С таким делом не годится слишком долго тянуть. Балуемся тут, словно стенгазету делаем. А ты подумай, что значит наше письмо для Хельдура и его матери!

Вечером, когда уже стемнело, я пошел туда, куда приглашал меня заходить Хельдур. На Парковую улицу, в дом номер четырнадцать во дворе, квартира пятая. Но я не постучал в дверь. Только опустил письмо в ящик.

Слезка

Пожалуй, мы целый час простояли с Олевым на Солнечном бульваре, шагах в двадцати от дома, где жил господин Велиранд.

Всякий, кто проходил мимо нас, должен был думать, что встретились тут случайно два приятеля и обсуждают какие-то ерундовые, каждодневные мальчишеские или школьные дела. И каждый прохожий мог услышать обрывок примерно следующего разговора:

— А ты на завтра уже выучил?

— Более или менее. Только это стихотворение никак не могу запомнить.

— Я вообще не люблю забивать башку стихами. Не знаю вообще, зачем это надо!

— Черт его знает!

— Завтра гимнастика, надо бы не забыть дома тапочки.

— Ты, собственно, куда направлялся?

— К одному приятелю, тут, неподалеку. Но стоило только прохожему удалиться, наш разговор принимал совсем другое направление.

— Может быть, Велиранд сегодня и не выйдет из дома?

— Подождем еще. Хотя бы полчаса.

— Ведь он же дома.

— Точно. Из-за шторы затемнения видна полоска света.

— А что мы будем делать, если он пойдет в нашу сторону?

— Останемся на месте. Он нас не узнает. Действительно, в затемненном городе вечером не так-то легко узнать кого-нибудь. К тому же небо было в облаках. Только снег белел. Правда, время от времени мимо проезжали машины, но их фары сквозь маскировочные щели недалеко бросали свой синеватый свет.

И тут скрипнула дверь. Это дверь велирандовского парадного. Скрипнула и со стуком захлопнулась.

Мы напряженно прислушались. Шаги. Медленные, спокойные шаги, явно приближающиеся к нам.

На всякий случай я повернулся к приближающемуся человеку спиной, потому что мое лицо могло сказать Велиранду гораздо больше, чем лицо Олева.

— Черт его знает, что такое! — сказал Олев не своим голосом.

— Завтра гимнастика, надо не забыть дома тапочки, — сказал я.

Мы оба старались изменить свой голоса насколько возможно.

— Ты, собственно, куда собирался?

— К одному приятелю, тут, неподалеку.

— Ладно, я провожу тебя: у меня все равно уроки на завтра сделаны.

— А это стихотворение ты выучил?

— Конечно, оно так легко запоминается. Мне вообще нравится заучивать стихи.

Мужчина, который прошел мимо нас, оказался Велирандом. Его рост. Его походка. Только свою велюровую шляпу он сменил на меховую шапку. Он даже не глянул на двух мальчишек. Но если бы он догадался...

Олев посмотрел на часы. Они показывали четверть двенадцатого.

— Начнем, — сказал Олев.

И по пятам за Велирандом последовали две тени.

Мы не видели Велиранда, но мы слышали поскрипывание снега у него под ногами. С Солнечного бульвара он свернул на улицу Звезды, а с улицы Звезды на Еловую аллею. Конечно, под нашими подошвами тоже скрипел снег, мы должны были соблюдать осторожность. На всякий случай мы шли в такт с Велирандом. Вдруг он остановился, и мы тоже сразу остановились, затаив дыхание. Почему он остановился? Заметил, что за ним следят? Нет, наверно, у него просто развязался шнурок, потому что несколько мгновений спустя он продолжил свой путь.

Затем Велиранд свернул на Терновую улицу. Эти повороты вообще доставляли нам наибольшее беспокойство. Если он все-таки что-нибудь заметил, то мог спокойно подкараулить нас за углом и неожиданно схватить. Жутко было даже представить себе та-

кое. Он бы отвел нас в полицию и попросил бы обыскать нас как подозрительных личностей. Что же нашли бы тогда у нас? Только крохотное письмецо, такое же, как то, что я опустил в почтовый ящик к Хельдуру: «Велиранд — провокатор».

Велиранд свернул на Терновую улицу. Что, если он действительно поджидает нас за углом? Но пока мы стояли бы и советовались, как быть дальше, мы могли потерять Велиранда из виду.

— Вперед! — шепнул Олев.

Мы двинулись вперед. Даже немного прибавили шагу. Дошли до угла Терновой улицы. Конечно, никакой Велиранд нас не подкарауливал. Просто наши нервы были слишком напряжены.

Но примерно на расстоянии до следующего от нас телеграфного столба мы увидели голубой лучик специального военного фонарика, которым можно пользоваться и во вре-

Из своего убежища мы видели, как мелькнул синий луч фонарика.

мя затемнения. Луч начал шарить по стене — кто-то явно старался рассмотреть номер дома. Не было сомнений, что это Велиранд.

Затем хлопнула дверь. Он вошел в подъезд.

Мы бросились вперед. Да, вот этот дом. Олев осторожно приоткрыл дверь. Но в подъезде была кромешная тьма, мы ничего не видели.

Мы напряженно прислушались. Шаги. Они доносились с лестницы.

Мы беззвучно проскользнули в подъезд.

Шаги остановились. Стук в дверь. Долгая тишина. Повторный стук. Наконец дверь открыли. И вдруг прозвучал неприятно знакомый голос:

— Господина Кярвета случайно нет дома?

— Его нет, — ответил тоненький голосок. — Мы ничего о нем не знаем.

Каждое слово ясно доносилось до нас. По голосу можно было судить, что Велиранд говорит с девочкой примерно нашего возраста.

— Как? — спросил Велиранд. — Что с ним случилось?

— Он пропал в начале войны.

— Ужас! — сказал Велиранд. — Просто ужас! Ах да, простите. Я школьный товарищ господина Кярвета, когда-то мы были добрыми друзьями. А вы, очевидно...

— Я квартирантка. Я ничего не знаю о господине Кярвете.

— А его супруга случайно не дома?

— Она вернется не раньше чем через час.

— Ах так! Извините. Я, может быть, зайду еще раз вечером попозже.

Дверь захлопнулась, и шаги стали спускаться по лестнице.

Мое сердце бешено колотилось. Выскочить из подъезда — поздно. Велиранд, безусловно, это заметит. А что, если хлопнуть дверью и пойти ему навстречу, словно мы только что вошли с улицы? Это годилось бы лишь в том случае, если б у Велиранда не было карманного фонарика. Но ведь мы знали: у него есть карманный фонарик. Он бы непременно меня узнал.

Шаги приближались. Вот-вот Велиранд спустится с лестницы. И тогда...

Вдруг я почувствовал, что Олев дергает меня за рукав. Я осторожно придвинулся к нему. Он потянул меня дальше. Куда?

Олев нащупал лестницу в подвал. Мы осторожно спустились на несколько ступенек. И успели сделать это в самый последний миг. Из своего убежища мы видели, как мелькнул синий луч фонарика. Затем хлопнула парадная дверь.

Мы стояли неподвижно еще около минуты. Потом Олев шепнул:

— Ушел.

Мы выбрались из своего укрытия, и я зажег спичку. На стене висели в ряд почтовые ящики. На одном из них была прикреплена табличка: «Кярвет». Мы попробовали дверку

почтового ящика, она оказалась крепко запертой, можно было безбоязненно опустить в ящик наше предупреждение.

Я усмехнулся. Велиранд еще только начинает расставлять в этом доме силки, а в почтовом ящике уже лежит предупреждение, что он провокатор! Теперь супруга Кярвета догадается, что надо быть с ним осторожной. Мы-то ничего не знаем об этой госпоже Кярвет. Ничего, кроме того, что Велиранд интересуется ею. Мы предупредили ее. Может быть, мы никогда и не узнаем, насколько помогло наше предупреждение, но мы сделали что смогли.

Во всяком случае, похоже, что матери Хельдура мы принесли пользу. Уже на следующий день после того, как я отнес на Парковую улицу предупреждающее письмо, Хельдур на перемене отозвал меня в сторону.

— Ты помнишь, я говорил тебе об этом человеке, о Велиранде? — спросил он.

— Да, помню, — ответил я.

— Тогда читай, — сказал он и вынул из кармана наше письмо.

Я прочел письмо, которое изготовил сам вместе с Олевом, и теперь на бумаге остались отпечатки моих пальцев.

— Разве твоя мать сама ничего не замечала? — поинтересовался я. — Ничего не показалось ей подозрительным в Велиранде?

— После этого письма многие вещи действительно стали казаться странными, — сказал Хельдур. — Во всяком случае, мама теперь знает, что надо быть осторожнее.

Я вернул ему наше письмо.

— Как ты думаешь, кто мог послать это нам? — спросил Хельдур.

— Конечно, друзья! — ответил я, глядя мимо него.

И Хельдур сказал задумчиво:

— Я и не знал, что у нас здесь есть друзья.

Может быть, госпожа Кярвет тоже вскоре станет ломать голову, кто это послал ей предупреждение. И, наверно, она поймет, что это были друзья.

Мы с Олевом шли домой.

Небо слегка прояснилось. Подмораживало. — Завтра у нас действительно гимнастика, — сказал Олев, — надо не забыть дома тапочки.

Конец Велиранда

Однажды вечером в квартире у Велиранда зазвонил телефон.

Велиранд поднял трубку.

— Я слушаю.

— Это господин Велиранд? — спросил то ропливым и взволнованным шепотом приглушенный голос.

— Я у телефона.

— Мне посоветовали вам позвонить,— продолжал голос.— Дело очень важное.

— Кто говорит?— спросил Велиранд.

— Это сейчас не имеет значения. Дело в парашютистах.

— Я вас не понимаю.

— На пустоши Хаасвяля скрываются несколько парашютистов. Сегодня ночью с ними должна соединиться другая группа. Завтра все они будут прятаться в одном из подземных ходов, а следующей ночью попытаются взорвать мост через реку Кяре.

— Скажите, пожалуйста, кто вы?

— Я не могу сейчас назвать себя: слишком дорого это может мне обойтись. Когда парашютистов поймают; все прояснится.

— Скажите хотя бы, откуда у вас эти данные?

— Мои данные абсолютно точные. А сейчас я должен кончать. Надеюсь на вашу помощь.

Олев повесил телефонную трубку на рычаг. Это он и говорил с Велирандом.

Я понимаю, что читатель сейчас в некотором замешательстве. Он спрашивает у себя: что должно обозначать этот странный телефонный разговор? Не стоит волноваться! Ведь нельзя же подумать, что мы и в самом деле решили прийти на помощь Велиранду в его подлой предательской службе! Нет, дело в том, что предпринятый нами осмотр катакомб породил великолепную идею. Эта мысль несколько дней, так сказать, прорастала в нас и наконец стала приобретать все более четкие формы, а затем блистательная идея превратилась в блистательную операцию. Читайте спокойно дальше, и вскоре все будет ясно.

— Пойдем,— сказал я.

Но Олев снова протянул руку к телефонной трубке.

— У нас должно быть алиби,— сказал он задумчиво, набрал номер своей тети и долго болтал с нею о всякой ерунде.

— О каком алиби ты говоришь?— не понял я Олева.

— Кто-нибудь мог видеть, как мы звонили отсюда,— объяснил он.— Если потом это дело начнут расследовать и на нас падет подозрение, можем сказать, что говорили только с моей тетей.

Я понял. На сей раз дело действительно обстояло настолько серьезно, что на каждом шагу необходимо было соблюдать конспирацию.

Мы выбрались из будки телефона-автомата. Ноги словно сами собой понесли нас на Солнечный бульвар, туда, где жил Велиранд.

— Как думаешь, попадетсЯ он на удочку?— спросил я у Олева.

Мой друг лишь пожал плечами.

Ответ на мой вопрос дала сама жизнь. С момента телефонного разговора прошло минут десять—пятнадцать, как мы вдруг заметили в другом конце улицы мужчину, кото-

рый приближался к нам. Полы пальто его развевались. Этот человек был нам хорошо известен—Велиранд. Он торопился в центр города.

В центре города находилась политическая полиция. Кроме того, в центре города находились еще кинотеатр и аптека, но сеанс в кино уже давно начался, а по внешнему виду Велиранда нельзя было сказать, что он не совсем здоров. Куда же еще в таком случае он мог направляться? К кому-нибудь в гости? Но для чего тогда нестись такой рысью? Следовательно, он торопился именно в политическую полицию. Неужели он действительно попался на удочку?

Мы с Олевым свернули в ближайший переулок, чтобы не соваться под нос Велиранду, и вскоре расстались.

Ночью мне плохо спалось. Меня мучили разные сновидения, в которых Велиранд и оккупанты играли немаловажную роль. Несколько раз я просыпался в испарине от страха. Но я не придаю сновидениям вообще никакого значения: ведь сны отражают то, что мы видели или пережили наяву. И я не верю, что по снам можно предсказывать будущее. Поэтому утром я был довольно спокоен, хотя и видел во сне, что сижу за решеткой в тюрьме.

— Уж не болен ли ты? Что-то ты очень бледный,— сказала мама, когда я сел завтракать.

— Чувствую себя великолепно,— ответил я с максимальной бодростью в голосе.

У меня не было ни малейшего желания тратить время на измерение температуры.

В подтверждение своего заявления я вынужден был съесть две полных тарелки каши из ржаной муки, потому что мама частенько пыталась определить состояние моего здоровья по моему аппетиту.

Затем я поспешил в детский сад, где мне давали кое-какую работу, и договорился, какие продукты привезти из подсобного хозяйства. Еще немного времени ушло на то, чтобы запрячь лошадь, и вскоре у дома Олева прозвучал мой сигнальный свист.

Олев не заставил себя ждать. Мы уселись на облучок, и коняге пришлось трусить рысью больше чем когда-либо до этого.

Честно говоря, торопиться нам было некуда. Мы сделали все, что было в наших силах. Ловушка для Велиранда была приготовлена. Но попадетсЯ ли Велиранд в нее или нет—это уже от нас не зависело. И все же мы хотели как можно быстрее попасть на Хаасвяля. Мы хотели найти хотя бы крохотную приметку того, что наш телефонный звонок дал какой-то результат. Ведь, честно говоря, у нас было мало надежд, что нам удастся обмануть опытного провокатора.

Хотя я часто взмахивал кнутом и лошадь трусила из последних сил, дорога казалась удивительно долгой—будто бы кто-то специально удлинил километры. А получилось

На каждом шагу необходимо было соблюдать конспирацию...

так, что мы вообще и не попали на Хаасвяля.

На развилке дороги стоял полицейский пост.

Один из них преградил нам путь и махнул рукой, чтобы я остановил лошадь.

— Куда едете?

— В Тякену,— ответил я, стараясь придать своему лицу выражение крайнего изумления.

Тякеной называлось место, где находилось подсобное хозяйство.

— Дорога закрыта,— сказал полицейский.— Вам придется ехать в объезд.

— А что случилось?— спросил Олев.

— Ничего не случилось,— буркнул полицейский.— Просто дорога закрыта.

В этот момент позади нас послышалось гудение мотора, и мимо пронесся грузовик, в кузове которого было полно солдат.

— Машина же поехала прямо,— сказал Олев.— Неужели же мы на лошади не проедем?

— Не будем обсуждать,— сказал полицейский, словно бы рассердившись.— Сказано вам, и все!

— Большой тут объезд?— спросил я.

— Пять-шесть километров,— сказал полицейский и отошел от повозки.

Здесь, на развилке, собрались и другие люди, которых не пускали дальше. Одна пожилая женщина подошла к нам и многозначительно шепнула:

— Вы, ребяташки, и не думайте ехать дальше! На Хаасвяля облава. Они могут и стрелять начать.

У меня сердце чуть не выпрыгнуло из груди от радости. Но я не подал виду. Я уже научился скрывать и огорчение и радость.

— Что еще за облава?— безразличным тоном поинтересовался я.

— Парашютистов, сыночки, ловят, настоящих парашютистов, сброшенных с самолета!

— Не знаете, поймали кого?— спросил Олев.

— Всех поймают,— ответила тетенька.— Весь луг Хаасвяля полон солдат.

Мы решили все-таки отправиться в объезд. Поди знай, как долго собираются солдаты лазить по катакомбам, а картошку ведь надо доставить в город.

Лошадь пошла шагом. Нам больше некуда было торопиться: все стало ясно.

— Кое-кто как следует промочит ноги,— сказал Олев.

Он имел в виду тех солдат, которые должны были войти в первую катакомбу, залитую водой.

Мы-то с Олевым знали, что в катакомбах нет ни одного парашютиста, что там найдут только летучих мышей. И еще там найдут письмо, очень важное письмо, написанное по всем правилам конспирации.

Вот текст этого письма слово в слово:

«Товарищи!

Немедленно уходите! Некто Велиранд, работающий в полиции, говорил в городе, что будет облава. Встреча в следующем условном месте».

Это письмо, оставленное нами у входа в одну из катакомб, естественно, не предназначалось никаким парашютистам. Мы хотели, чтобы немцы потеряли доверие к Велиранду, и для этого предприняли всю столь сложную операцию.

Велиранда мы больше никогда не видели. В квартиру его вселились новые жильцы. И больше мы ничего о нем не знаем. Но мы крепко надеемся, что он уже не может никому причинить зла.

Перевел с эстонского
Г. МУРАВИН.

